

***Павел Юрьевич Петров** родился в 1956 году в городе Борисоглебске Воронежской области. Окончил Борисоглебское медицинское училище, по профессии военный фельдшер. Срочную службу служил на Краснознаменном Северном флоте. Издавна занимается литературным творчеством, увлекается бардовским искусством. С женой создали бардовский дуэт «Созвучие», который неоднократно признавался лауреатом региональных и федеральных конкурсов и фестивалей.*

Павел Петров

ИМИДЖ

Рассказы

Петр Иванович, как обычно, проводил свой вечерний досуг в гараже с приятелями. Приняли на грудь водочки, шлифанули пивком, и пошел у них разговор о бабах. Спиртное развязало язык, и все, перебивая друг друга рассказывали о своих подвигах на любовном поприще. Только он один молчал, да и что говорить...

С женой Петр Иванович прожил долгую жизнь, вначале любили, а потом быт как-то все притупил. Налево он не ходил, не в его характере это было, да и стеснялся он женского пола. А вернее сказать, просто боялся, что его лахудра узнает и выгонит к чертовой матери из дома, а куда идти...

Вот так и жил: работа, гараж и потрепанный старый диван, с женой они уже давно спали раздельно.

Нет, слабаком он не был, просто храпел иногда, с приятелями водочкой баловался, да и юношеского энтузиазма давно к жене не было и, судя по всему, и у нее тоже. Так и жили по инерции и все. За внешностью своей уже не следил, зарос пегой щетиной и ходил в чем придется. Бывало, слышал от жены: «Ты бы хоть на себя в зеркало посмотрел... бомжара!» В общем, хвалиться было нечем.

Вот так и сидел Петр Иванович, сутулясь, отхлебывал из кружки теплого, противного пива и молчал.

— Что приуныл, Петро? — как бы издалека донесся до него голос соседа по гаражу Кольки Слепкина. — Иль рассказать нечего товарищам? Твоя-то еще баба ничего! Был у нее в магазине, свежо смотрится! Да и глазки умеет строить.

— Да ладно тебе, Коль! — ответил Петр Иванович. — Это она на работе такая, а дома — мегера болотная, доброго слова не услышишь. Все вокруг «мачо», а я для нее «чмо». То не так, это не так, не там стоишь, не так сидишь...

— Это ты сам, Петро, виноват, — многозначительно сказал Николай. — Вот послушай одну историю. Жил был мужик, тоже типа «чмо», да надоело ему все это и решил он имидж поменять. Умылся, побрился, постригся и приоделся. Как-то вечером приходит домой, потихонечку открыл дверь, заходит, значит, а жена на кухне жарчку готовит. Подкрался так, обнял нежно и давай целовать ее. А жена его аж трясется вся, глаза закрыла да ласкается, жметяся... Тут мужик ей и говорит: «Ну, как тебе, дорогая, мой новый имидж?» Она глазки-то открыла — да и говорит: «А, это ты, козел...» Вот так, Петро, оно в жизни бывает. Не сердчай, ты-то у нас мужик еще о-го-го! Тебе бы тоже имидж сменить, и бабы сами на шею бы вешались. Ха-ха-ха... — рассмеялся он.

На следующий день был выходной, и Петр Иванович решил последовать Колькиному совету. Нет, его не задел этот анекдот из уст пьяного соседа, просто самому это все опротивело, захотелось чего-то нового, необычного.

Он встал рано, жена еще спала. Принял душ и тщательно побрился. Собрал все заначки в своей комнате, припасенные на запчасти для старого «москвича», и пошел по магазинам. Прежде всего, он решил купить новые брюки, выбор пал на джинсы.

— Ой, как вам идут! — запела продавщица, когда он вышел из примерочной. Потом он купил водолазку, модные летние туфли и дорогую туалетную воду. Последним приобретением стал роскошный букет алых роз.

Процесс перевоплощения «чмо» в «мачо» происходил в гараже. «Да, и правда, я еще ничего...» — подумал Петр Иванович, рассматривая себя в зеркало заднего вида.

Тихого проникновения в дом не получилось. Жена поставила замок на защелку, и ключ не провернулся. Немного потоптавшись на месте, Петр Иванович нажал кнопку звонка.

— Вам кого надо, молодой человек? — раздался за дверью голос жены, видимо, она рассматривала его в дверной глазок.

— Вас, Людмила Федоровна... — сдавленным от волнения голосом, как на первом свидании, пролепетал Петр Иванович.

Дверь открылась. Глаза жены расширились до предела, а из рук на пол выпала ложка.

— Петя, что с-с... тобой? — заикаясь, спросила жена. В голове у Петра Ивановича все поплыло...

— Да люблю я тебя, Люся! — сказал он хриплым голосом, как когда-то двадцать с лишним лет назад. Букет роз попал между ними и больно кололся, но они уже не обращали на это внимания...

Проснувшись утром и глядя на сладко посапывающую рядом жену, Петр Иванович подумал: «А все-таки имидж — великая вещь!»

Хуже нет для рыбака полного отсутствия клева, да к тому же заря прошла, солнце палит нещадно. Лягушки давно прекратили свои утренние концерты и попрятались от наступающего зноя в прибрежной куге. Даже назойливые комары — и те поспешили смыться в тень лесной прохлады и не докучали больше своим писком. Сидим с Егорычем на берегу и без всякого энтузиазма взираем на давно застывшие концы удилиц наших донок. «Да... — многозначно произнес Егорыч. — Не повезло нам сегодня, Пашка, буря че ль на солнце разыгралася, а мож, давление упало, а мож, поднялось, ты там барометр не смотрел? Че ей надо-то, рыбе этой? И горох свежий напарил, гля, какой душистый, а не хочет жрать, зараза!»

На противоположной стороне реки показались мальчишки на велосипедах с удочками, все проспали горе-рыбаки.

«Дядя, тут рыба есть?» — спросил один из них, долговязый подросток в резиновых сапогах, наверно, самый старший из всей ватаги. «Мальчик, тут рыбы нет», — ответил я цитатой из киношного «Ералаша», чем вызвал дружный гогот соседских рыбаков. Но это ребят не смутило, и они деловито начали разматывать снасти.

«Ну, че, Пашка, делать-то будем, пойдём-ка чаи погоняем», — задал вопрос и сам же на него ответил Егорыч.

«Пошли в мою палатку», — предложил я.

Егорыч больше привык к свежему воздуху, как он пояснял, и палатками принципиально не пользовался. Но быть на жаре его тоже не устраивало, а в лесу — комары, которые сидят под каждым кустом и только ждут, когда завтрак в лице нас с Егорычем сам к ним пожалует. Приятель мой не возражал.

Разложили нехитрый наш скарб. За время дружбы мы уже как-то привыкли питаться вместе, налили из термоса крепкого чая и принялись трапезничать.

«Вот я все думаю, Паша, — начал он. — А есть ли у зверья мозги?» — «Конечно, есть, — улыбаясь, ответил я. — Они ж не безголовые, а значит, какие-никакие, а мозги-то есть». — «Да я не о том, я о разуме их, вот че меня беспокоит». — «Что это ты вдруг о разуме их забеспокоился?» — поинтересовался я. «Да тут, понимаешь, на неделе племяш Сашка гостил, интересный случай рассказал. Года три это назад было, аккурат в июне, только земляника на пригорках раскраснелась. Пошел, значит, Сашка с друзьями по ягоду ту. Смотрит, а в кустах вот кто-то поскуливает, так жалобно-жалобно, заглянул, а там волчонок, да такой махонький, только глазенки прорезались, худющий ужас, видать, то ли маманю его кто пристрелил, то ли потерялся. Сашка и забрал его домой, жалко стало ему животину мелкую. Принес домой, значит, тут его все давай ругать, дескать, зачем зверя дикого домой приволок, волк чай, хоть пока и маленький, так он же вырастит, что ждать от него-то? Недаром народ говорит, как волка не корми, все в лес смотрит. Но уперся Сашка — и ни в какую: мой, говорит, волк, и все тут. Ну, подумали, все же решили, коль такое дело, что пацан к нему так прикипел, оставить, пока подрастет, а там видно будет. А он, волчак-то, еще и есть-то не умеет — Сашка его из соски поил. Назвал он его Волчок, вот так назвал, значит. Месяц прошел, два, окреп звереныш и подрос, Сашка с ним по селу гуляет, на веревочке за собой таскает, а собаки-то сельские аж разрываются все, вот как у них.

Волк-то махонький еще да с человеком, а чуют уже. Тут соседский волкодав сорвался, через плетень — и к волчонку. Сашка возьми да упади на него, значит, закрыл его своим телом. Тот кабель бегал кругами, лаял да клыки скалил так, аж слюна летела, но человека не тронул. Хозяин его домой загнал. А Сашка сел, значит, после этого всего на землю, ноги трусятся, не идут, а волчонок прижался к нему, головку под мышку засунул и лизнул Сашку в нос! Это же не собака, волк! А вот такие нежности, гляди, благодарил Сашку за спасение. После того случая они уже на край села и в лес гулять ходили. К зиме вырос Волчок, не совсем, конечно, но уже большой стал, а как курицу задрал, решили все ж его на родину отправить. Пошел Сашка с ним в лес, отвязал, толкает его, значит, иди, а он — ну никак. Тогда он его легонько по заду шлепнул. Только не хочет тот уходить — и все. Сел Сашка и заплакал, а волчок ему подмышку нырь, лизнул опять в нос — а потом улегся, не оглядываясь.

Зима в тот год суровая была, снежная, и волков в лесах полно развелось, в селе безобразничать стали. Бывает, к ночи Сашка выйдет на порог, а за околицей вой волчий. «Мой Волчок по мне скучает...» — проговорит с печалью.

К весне вовсе достали волки, и решили мужики известить их совсем, охотников пригласили. Река уже вскрылась, но снега в лесах еще полно было. Прижали они стаю к реке флажками и перестреляли почти всех, аж семь туш положили. Только двое, говорят, под флажки сунуться осмелились и через реку вплавь ушли, не достали их.

Мужики убиенных волков в село привезли, то ли похвалиться, то ли просто показать народу трофеи. Прибежал Сашка, смотрит, а они все одинаковые, мертвые-то. Походил и говорит, мол, нет тут моего Волчка. С чего ты решил, Сашка, народ спрашивает. Знаю, уверенно говорит он, мой ушел через реку.

Весна прошла, лето уж к концу. Как-то пошел Сашка на рыбалку. Сидит, вот как мы, тоже не клюет. Заскучал да вдруг чувствует, кто-то ему в спину тычется. Оглянулся — и обмер. Стоит рядом матерый волчище и на него, не мигая, смотрит, а недалеко, на пригорке, еще один сидит и тоже смотрит. Тут, это, волк просунул свою головушку Сашке подмышку и лизнул в нос. У Сашки само собой слезы катятся, кинулся он обнимать его: «Волчок, мой Волчок!» — приговаривает. Потом достал котлету, что мать положила, и отдал волку. Он так нежно у него ее взял и отнес на пригорок — значит, волчица там его ждала. Потом вернулся опять к Сашке, постоял немного, и ушли они с волчицей в лес. Больше не слышно в тех краях волчьего воя, навсегда ушли, видать. Вот, а ты говоришь, Пашка, мозги. Видать, не только мозги у них есть, я так думаю».

Заслушавшись Егорыча, я и не заметил, как давно закончилась наша еда, допил только остатки чая в кружке. «Ты, Пашка, пойди, проверь там наши удочки, а я тут немного поваляюсь».

Я вышел, через минуту палатка уже буквально тряслась от храпа Егорыча.